

Аюпова Р. А.

РОЛЬ ИЛЛЮСТРИРУЮЩИХ ПРИМЕРОВ В ОПИСАНИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ В СЛОВАРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО, РУССКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-2/4.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. II. С. 14-16. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

РОЛЬ ИЛЛЮСТРИРУЮЩИХ ПРИМЕРОВ
В ОПИСАНИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ В СЛОВАРЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО, РУССКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ)

Аюпова Р. А.

Казанский государственный университет

Семантическая структура фразеологической единицы (далее ФЕ) отличается от семантической структуры лексической единицы своей усложненностью, поэтому соответствующее описание ее в словарной статье может быть достигнуто только при очень тщательной продуманности каждого элемента словарной статьи.

Принято считать, что сигнификативно-денотативный аспект фразеологического значения (далее ФЗ) описывается дефиницией, словарные пометы дают информацию об эмотивности, экспрессивности, функционально-стилистическом компоненте ФЗ, иллюстрирующие ФЗ примеры демонстрируют, в каком контексте и при каком лексическом окружении данная ФЕ обычно употребляется. Поскольку все аспекты фразеологического значения тесно переплетены между собой и взаимно обусловлены, постольку и каждый элемент словарной статьи, описывая одно из составляющих ФЗ, дополняет описание другого.

Как правило, дефиниция считается основным элементом словарной статьи, и, к сожалению, есть словари, составители которых ограничиваются только дефиницией, не используя никаких других элементов или используя их очень нерегулярно. Между тем опыт использования словарей показывает, что наиболее полная семантизация заглавной ФЕ достигается только при использовании всех возможностей словарной статьи, с учетом рациональности такого использования.

Иллюстрирующие ФЗ примеры тоже способствуют более полному раскрытию семантической структуры ФЕ, поэтому подбор их должен быть очень тщательным. Минаева Л.В. выделяет «три типа фразеологии, которые позволяют нам глубже проникнуть в сущность диалектического единства значений слова и его употреблений: 1) филологическая фразеология - фразы, словосочетания и предложения, зафиксированные в филологическом тезаурусе данного языка; 2) семиотическая фразеология, используемая для толкования значения слова; 3) иллюстрирующая фразеология, т.е. составительские предложения, специально созданные для того, чтобы синтезировать данные семантического анализа слова, полученные в результате изучения филологического тезауруса» [Минаева 1986: 22].

В данном случае речь идет о фразеологическом словаре, поэтому вместо филологической, семиотической и иллюстрирующей фразеологии мы будем рассматривать филологические, семиотические и иллюстрирующие примеры, поскольку ФЕ как единица языка уже состоит более чем из одного компонента. Соответственно, иллюстрирующие примеры, приведенные в словарной статье фразеологического словаря, объемом превышают «фразеологию», которая употребляется в лексических словарях.

Также следует отметить, что, наряду со специально созданными для этих целей предложениями, в качестве иллюстрирующих примеров во фразеологических словарях очень широко применяются предложения или контексты из литературных произведений. Последнее характерно для русской фразеологии: во многих одноязычных фразеологических словарях используются исключительно примеры из художественных произведений, в двуязычных, в основном, - оба типа примеров. В английских словарях, если они не созданы русскими авторами, используются примеры специально созданные авторами, и если даже пример или контекст взят из какого-либо текста, то ссылка на источник отсутствует. В татарской фразеологии, так же как и в русской, наряду с предложениями, созданными авторами словаря, широко используются примеры из текстов произведений художественной литературы.

Снабжение словарных статей иллюстрирующими примерами из текстов художественных произведений можно считать наиболее объективным способом представления филологического тезауруса языка, а сами примеры, соответственно, наиболее достоверными, так как язык художественных произведений является самой широко известной формой функционирования языка. В этом плане необходимо отметить большую заслугу русскоязычных лексикографов.

Только тщательное изучение филологического тезауруса может способствовать представлению соответствующего иллюстративного материала в словарной статье. «К любому употреблению слова следует подходить аналитически, рассматривая его сквозь призмы категорий на основе единства коллигации и коллокации» [Минаева 1986: 78].

Лексикограф должен быть достаточно опытным для того, чтобы отличить окказиональное употребление ФЕ от нового значения или оттенка значения, которое она получила в результате развития языка и которое должно найти свое отражение в языке. Также он должен уметь обобщать в словаре все случаи употребления ФЕ, представленные в филологическом тезаурусе, так чтобы в словарной статье присутствовали те примеры, которые, с одной стороны, соответствовали бы всем оттенкам значения ФЕ (или значениям); с другой стороны, чтобы те оттенки значения, которые могут быть выведены из уже представленных примеров, не были даны в виде отдельных примеров. Иными словами, иллюстрирующие примеры должны быть достаточными для полного раскрытия семантики ФЕ и не содержать лишних примеров, не имеющих информативной ценности для пользователя словарем.

Mean business to be serious ♦ *After she scored that point, I realized that she meant business.* ♦ *We hoped that the government means business and we will really do something about the lack of affordable business* [Dictionary of American Idioms 2003: 53].

В дефиниции, использованной в приведенной словарной статье, отмечено только одно значение заглавной ФЕ (быть серьезным), что отражено в первом иллюстрирующем примере, во втором же - фразеологизм употреблен в значении «относиться, рассматривать со всей серьезностью». Хотя его нельзя назвать самостоятельным значением, скорее это оттенок значения, но, судя только по дефиниции, было бы сложно догадаться, что данная единица может употребляться в подобном контексте.

Cupboard love (informal) (a show of) affection sustained by the thought of what one can get out of a situation for oneself ◊ 'It's only cupboard love that brings the boy round here so often,' the old man said sadly 'He knows I'll always give him a bit of money when he leaves.' ◊ 'But I thought that couple Mrs. Smith rented her basement flat to were absolutely devoted to her.' 'Just cupboard love; they were always coming up to cadge from her - money, food, furniture, anything and everything' [Cowie 2007: 125].

В двух иллюстрирующих примерах этой словарной статьи ФЕ **Cupboard love** употребляется в одном и том же значении, и, соответственно один из примеров не играет никакой роли в семантизации ФЕ.

Приносить в жертву кого, что кому, чему **принести в жертву** кого, что кому, чему. Поступаться кем-либо или чем-либо ради кого-либо или чего-либо. *О вождь несчастливый! Суров был жребий твой: Все в жертву ты принес Земле тебе чужой* (Пушкин, Полководец). *Действенность и историческая истина принесены [Кукольников] в жертву желанию написать эффективную трагедию* (Белинский, Русский театр в Петербурге). *Тот только заслуживает название человека, кто умеет овладеть своим самолюбием, как всадник конем, кто свою личность приносит в жертву общему благу* (Тургенев, Рудин). *Гражданин нашей великой страны в минуту опасности для своего отечества должен уметь приносить в жертву все личное и все, что создано общественным трудом* (Калинин, Все для войны, все для победы) [Молотков 1986: 357].

В данной словарной статье приведено четыре примера, хотя вполне можно было бы обойтись одним, т.к. последние три не содержат никакой дополнительной информации о заглавной ФЕ.

Принимать на свой счет. Принять на свой счет. Считать что-либо относящимся лично к себе. *Замечание, сделанное в «Колоколе» о доктринерах вообще, он принял на свой счет; самолюбие было задето, и он мне прислал свой «обвинительный акт», наделавший в то время большой шум* (Герцен, Былое и Думы). *Если я при ней задумывался и молчал, то она это принимала на свой счет и становилась печальна* (Чехов, Моя жизнь). *Батюшки, сколько же здесь знакомых да приятелей! Такие слова Натальи Захаровны народу понравились. Ведь каждый принял их на свой счет* (Ю. Лаптев, Заря) [Молотков 1986: 357].

В словарной статье, приведенной выше составитель словаря посчитал необходимым привести три иллюстрирующих примера. Хотя второй пример не добавляет ничего к той информации, что содержалась в элементах приведенных впереди него, третий пример демонстрирует положительно оценочную эмотивность ФЕ, которую она может реализовать в зависимости от контекста. Это свойство единицы можно было бы отразить и в дефиниции, однако, по нашему мнению, в иллюстрирующем примере это достигается более удачно.

Мыскалга салынмаган ефәк. Яңа буйга житкән, кадерле кыз димәктән. *Соң мыскалга салынмаган ефәктәй кызның ике хатын аерган кешегә ничек инде жаны эресен?* Ш. Маннур [Исанбет 1989: 28].

Одного примера в данном случае вполне достаточно для того, чтобы продемонстрировать, в контексте какого характера эта ФЕ употребляется (чем автор и ограничился).

Мәз бетеп. Тәмам сокланып, мавыгудан исереп. *Ә алар, мин сиңа әйттим, авыз күтәрәп “Кояш чыкты” дип жырлаганнарын тыңларга чакырганнар икән. Яшьрәк сәүдәгәрләр мәз бетеп, шәректәргә бераз сәдака да биргәләделәр.* К. Нәжми. *Сез гомернең иң кызык вакытында бит! Мин беләмен сез йөрисез мәз бетеп, Өндәми эчтән белеп, эчтән тынып, Аһ, кайчан? дип бер күңелле көн көтеп.* М. Фәйзи [Н. Исәнбәт 1989: 29].

В этой словарной статье автор приводит два контекста, и надо заметить, что тем самым ему удастся отразить два оттенка значения, тогда как в случае ограничения одним примером другой оттенок значения остался бы не совсем понятным для пользователя.

В смысле приведенного количества иллюстрирующих примеров нельзя сделать вывод о бо́льшей точности лексикографии одного из рассматриваемых языков. В словарях каждого из них имеются словарные статьи как с необходимым количеством контекстов, очень удачно отражающих значения и оттенки значения заглавной ФЕ, так и словарные статьи, содержащие лишние иллюстрирующие примеры, которые не представляют никакой ценности в плане семантизации заглавной ФЕ. Также нами были отмечены в словарях всех трех языков случаи, когда иллюстрирующих примеров недостаточно для того, чтобы продемонстрировать все значения полисемантической ФЕ или ФЕ с разными оттенками значения. Отсутствие иллюстрирующих примеров, что тоже достаточно часто встречается в словарях всех трех языков, нельзя считать их достоинством.

Роль иллюстрирующих примеров в семантизации заглавной ФЕ на сегодняшний день нельзя считать достаточно изученной, скорее можно говорить о незаслуженном умалении роли иллюстрирующих примеров по сравнению с остальными элементами словарной статьи. Опыт показывает, что этот элемент словарной статьи вносит определенный вклад в семантизацию каждого аспекта фразеологического значения.

Список использованной литературы

1. **Исанбет Н.** Фразеологический словарь татарского языка / Н. Исанбет. - Казань: Таткнигоиздат, 1989. – Т. 1. - 495 с. - Т. 2. – 365 с.
2. **Минаева Л. В.** Слово в языке и речи: Учеб. пособие / Л. В. Минаева. - М., 1986. - 145 с.

3. **Фразеологический словарь русского языка** / Под ред. А. И. Молоткова. - М., 1986. - 543 с.
4. **Cowie A. P., Mackin R., McCaig I. R.** Oxford Dictionary of English Idioms. - Oxford: Oxford University Press, 2007. - P. IX.
5. **Dictionary of American Idioms.** - Cambridge: Cambridge University Press, 2003. - P. 53.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФИЛОСОФИИ В. РОЗАНОВА В ПОВЕСТИ Г. ИВАНОВА «РАСПАД АТОМА»

Басова Н. В.

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского

Читатель, знакомый с поэтическим творчеством Георгия Иванова, прочитавший «Петербургские зимы», наверное, испытывает шок, взяв руки «Распад атома». Эта повесть, безусловно «Ивановская» по своей глубокой лейтмотивной структуре, по аллюзиям на русскую классическую литературу написана в совершенно не свойственной Иванову *эстетической* манере. Что это? Способ по-новому, в прозе, выразить себя? Может быть, дань моде? За безжалостно эпатажными, бессвязными и абсурдными на первый взгляд картинами скрывается бездна смыслов и философских идей.

Философские взгляды Василия Розанова вызвали широкий резонанс в общественном сознании конца 19 - начала 20 века. Попытку взглянуть на мир сквозь призму розановских идей представляет из себя повесть Георгия Иванова «Распад атома». Со свойственными Розанову (как, впрочем, и раннему Иванову) «кривляньями и пощечинами человеческому вкусу» мы сталкиваемся уже при попытке определения жанра «Распада атома». На первый взгляд, перед нами текст, к которому подходит Гоголевское определение «поэма в прозе». Но, не смотря на высокую интимность и лиричность произведения, автор определяет жанр «Распада атома» как повесть. И это именно повесть, так как лирический герой не идентичен автору. Это очередная Ивановская литературная маска, игра по правилам философии Василия Розанова. Автор по-розановски пытается заглянуть в человеческое сознание и демонстрирует щемящее одиночество каждого перед вечностью. Построение сюжета основано на движении мысли героя и сродни шизофреническому дискурсу постмодернизма. Автор демонстрирует нам «фотографию» человеческого сознания: мгновенно меняющийся поток мыслей, впечатлений и воспоминаний, организованный по принципу ассоциативной логики. В этом потоке интригующие изменчивых образов просматривается попытка отразить саму суть жизни в розановском философском ключе. Бытие предстает перед нами в совершенно неожиданных мелочах, которые мы привыкли оставлять на задворках своего сознания. Именно из этих мелочей, по мнению Розанова, и состоит жизнь: «Дохлая крыса лежит в помойном ведре» [Иванов 2003: 8], «Лезвие безопасной бритвы зацепилось за разбухший окурок» [Иванов 2003: 8], и рядом фотографии: «толстая, голая проститутка с распоротым животом» [Иванов 2003: 11], «Художник, застрелившийся с голоду или несчастной любви, или от того и другого вместе. Под развороченным черепом пышный аристократический бант, рядом на мольберте какие-то ветки и облака...» [Иванов 2003: 11] и т.п.

Сюжет повести «Распад атома» завязан на двух философских проблемах: попытке осмыслить суть жизни и проблеме человеческого одиночества и самоопределения. Завязкой повести является Розановская идея одномоментной многогранности и противоречивости мира и уникальности и одиночества каждого человека: «Догадка, что огромная духовная жизнь разрастается и перегорает в атоме, человеке, внешне ничем не замечательном, но избранном, единственном, неповторимом. Догадка, что первый встречный на улице и есть этот единственный, избранный, неповторимый. Множество противоречивых догадок, как будто подтверждающий, на новый лад, вечную неосязаемую правду.... Мировой рекорд одиночества. Так ответь, скажи, о чем ты мечтаешь тайком там, на самом дне твоего одиночества?» [Иванов 2003: 7]. Диалог, который рассказчик ведет на первый взгляд с читателем, по сути - это обращение лирического героя повести к самому себе, это попытка посмотреть на себя со стороны, Розановская псевдообъективность: « Скажи, о чем ты мечтаешь тайком, и я скажу, кто ты. - Хорошо, я попытаюсь сказать, но расслышишь ли ты меня?... - так ответь, скажи, о чем ты мечтаешь тайком...» [Иванов 2003: 7], «Я хочу говорить о своей душе простыми, убедительными словами. Я знаю, что таких слов нет. ... Я хочу рассказать, как я тебя любил, как я умирал, как я умер, как над моей могилой был поставлен крест и как время и черви превратили этот крест в труху.... Я хочу рассказать о человеке, лежавшем на разрытой кровати, думавшем, думавшем, думавшее, - как спасти, как поправить, - не придумавшем ничего» [Иванов 2003: 12].

Перед нами одиночество человека, лишенного Родины - («Я хочу забыть, отдохнуть, сесть в поезд, уехать в Россию, пить пиво и есть раков теплым вечером на качающемся поплавке над Невой» [Иванов 2003: 10]), лишенного любимой («Но вот ты вобрала мой свет и ушла. Весь мой свет ушел от меня» [Иванов 2003: 7]), лишенного всего («Зачем нужно бессмертие, если я так одинок?» [Иванов 2003: 14]) ... Герой, лишившийся своей возлюбленной, лишается возможности приблизиться с богом.

Откровенные до вульгарной физиологичности сексуальные сцены (педофилические мечты, описание полового акта с проституткой, фантазии по поводу влюбленной пары, сцены убийства и т.п.), которыми изобилует «Распад атома», совершенно не свойственны всему остальному творчеству Г. Иванова. Розановская идея, что все самое сокровенное, чистое (в смысле рафинированное), без примесей и оттенков, самое полное и всеобъемлющее содержит в себе момент оргазма, крайне эпатажная и резкая для начала 40-х годов, была подхвачена и другими писателями-современниками Иванова («Темные Аллеи» И. Бунина, «Голый год» Б.